УДК 321

СПОРЫ О ГОСУДАРСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ VERSUS КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА?

Глухова А.В.

Воронежский государственный университет, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии, Российская Федерация, г. Воронеж

E-mail: avglukhova@mail.ru

В статье рассмотрены традиционные трактовки государства как политико-правового института. Обосновывается, что утрата государством статуса единственного политического субъекта, ослабление национального единства вследствие кризиса нации как политической общности и нарастания иных идентичностей, а также выход народного хозяйства за пределы национальных границ означают возникновение новой политической реальности и появление новых вызовов. В частности, усиливающаяся неопределенность, развитие затяжных конфликтов, причины которых зачастую коренятся в слабости и недееспособности государства. Таким образом, основные риски связаны не с излишком мощи государства (как опасались в XX веке под влиянием пережитых тоталитарных практик), а с опасной слабостью многих государств, их неспособностью противостоять новым разрушающим силам и тенденциям.

Одним из теоретических ответов на эти вызовы стал методологический национализм, отстаивающий прежнюю трактовку государства, и в первую очередь такой его атрибут, как эксклюзивный суверенитет. Другой ответ – методологический космополитизм, предлагающий иную исследовательскую парадигму, а именно анализ комплексных процессов и взаимодействий, порожденных глобализацией, в рамках международных режимов, межгосударственной кооперации, т.е. инклюзивный суверенитет.

Ключевые слова: государство, суверенитет, глобализация.

Концепт государства, как и скрывающаяся за ним политико-правовая реальность, всегда были центральным, базовым понятием политического анализа. Учитывая сложный, многогранный характер этого феномена, его традиционно интерпретировали в единстве трех ключевых элементов: формы государственного устройства, системы правления и политического режима. Само государство представало в единстве институциональных структур, т.е. аппарата управления и так называемого «политического тела», т.е. совокупности граждан, чей общий интерес оно призвано защищать. Признаки государства, сформулированные в свое время Вебером М. (суверенитет как исключительный контроль над вверенной ему территорией; выработка законов и правил, регулирующих поведение граждан; монополия на легальное применение силы; право на взимание с населения налогов и сборов и т.д.), долгое время считались классическими и не вызывали серьезных дискуссий. Однако глобальные процессы конца XX – начала XXI века подвергают сомнению не только теоретические постулаты, но и саму политическую реальность, обозначаемую понятием «государство», и

требуют корректировки старых либо выработки новых подходов к ее интерпретации.

По справедливому утверждению Хабермаса Ю., после Великой французской буржуазной революции территориальное государство, нация и сложившееся в национальных границах народное хозяйство «образовали … историческое сочетание, при котором демократический процесс смог принять более или менее убедительную институциональную форму»[1]. Трансформация этих трех элементов, включая утрату государством статуса единственного политического субъекта, ослабление национального единства и выход народного хозяйства за пределы национальных границ, означает возникновение новой политической реальности и попутно бросает серьезный вызов демократии.

Во-первых, современная глобализация перестраивает или «переиначивает» власть, функции и полномочия национальных правительств. Это особенно ярко проявляется в странах ЕС, где суверенная власть разделена между интернациональными, национальными и местными органами, а также в деятельности ВТО. Тем не менее даже там, где суверенитет государства еще не затронут внешними влияниями, оно больше не обладает исключительным правом распоряжаться тем, что происходит в пределах его собственных территориальных границ. Местонахождение власти и субъекты власти могут оказаться как в буквальном, так и в метафизическом смысле слова по разные стороны океана. Коммуникационные технологии разорвали связь между пространством и временем, и государство утратило свою прежнюю способность справляться с пространственными изменениями и развитием. Его власть и авторитет размываются с трех направлений: сверху – интернационализацией; снизу – региональными и местными притязаниями; со стороны – развитием рыночного и гражданского общества, ослабляя его роль в хозяйственном руководстве, социальной солидарности, культуре и формировании идентичности, а также институциональной структуре[2]. Возникает новый регионализм, который больше не ограничивается рамками национального государства, но сталкивает регионы в конкурентной борьбе вместо предоставления новых ролей в национальном разделении труда.

В связи с увеличением мобильности капитала и возникновением транснациональных корпораций значительно более трудным стало национальное хозяйственное управление. Спекулятивные потоки капитала ограничивают свободу правительств в макроэкономической политике, зачастую вынуждая их поддерживать более высокую ставку процента, чем того требует внутреннее положение. «Поскольку государство перестало играть роль посредника, которую оно играло в прошлом, воздействие глобального капитала на территории оказывается более глубоким, – отмечает М. Китинг. – Возникло противоречие между глобальной логикой капитала, ищущего наиболее прибыльные места, и пространственно-ограниченной логикой регионов, которые стремятся привязать к себе капитал. Здесь присутствует диспропорция, поскольку пространство стало зависеть от мобильного капитала больше, чем капитал, способный выбирать между соперничающими пространствами, зависит от сколько-нибудь определенного пространства»[3]. Утверждая, что нынешние перемены представляют собой качественно новую стадию в развитии мировой политической системы, Хелд Д. и его коллеги ввели в оборот выражение «устранение территориального измерения политики, власти и управления», призванное охарактеризовать эти трансформации[4].

Заметно модифицируется роль государства и в определении и воспроизводстве национальной культуры. Последняя также оказывается ослабленной интернационализацией и ростом глобальной культуры, под которой нередко понимается американская культурная гегемония. Ответом является возрастание роли местных культур и культур меньшинств, наиболее ярко проявляющих себя в растущих языковых притязаниях (требованиях признать язык меньшинства в качестве языка образования и управления). Жизнеспособность культур меньшинств в значительной степени зависит от материальной поддержки со стороны государства, однако объемы такой помощи зачастую оказываются недостаточными.

Среди отмеченных функций государства есть одна, являющаяся его главнейшей обязанностью, – поддержание социальной солидарности. Однако глобальная конкуренция и необходимость сокращения социальных издержек производства породили растущую напряженность и в этой сфере. Особенно ярко это проявилось в ходе мирового финансового кризиса 2008 – 2009 годов, породив массовое протестное движение, названное некоторыми авторами (Бжезинский З.) «глобальным политическим пробуждением». Его проявлениями стали «Оккупируй Уолл-стрит» в США, «движение возмущенных» («Indignados») в Испании, а также студенческие протесты в Чили и Венесуэле против расширения платного образования. На отдельных территориях могут возникать новые формы социальной солидарности или способы сохранения государства всеобщего благоденствия. В какой-то степени свидетельством тому служат новые социальные движения, а также борьба против закрытия крупных предприятий и за предоставление коммунальных услуг.

В институциональном отношении государство также ставится под вопрос с трех сторон. Сверху государству приходится делить свои полномочия с международными и наднациональными режимами, особенно с Европейским союзом. Тем самым наднациональный и межправительственный локус принятия решений уходит с внутриполитической сцены, что ведет к разрушению старых связей между государствами и регионами и компромиссов, которые были возможны в прошлом. В институциональном отношении снизу государствам также бросает вызов рост региональных правительств как институциональных соперников, а также регионалистских и националистических движений меньшинств, требующих перестройки государства. Со стороны их влияние ослабляется развитием рынка, что само по себе служит ответом на глобальную мобильность капитала и взлет неолиберальной идеологии, призывающей к приватизации и дерегуляции.

Во-вторых, налицо кризис идеи нации как политической общности («политического тела государства»), что ведет к консолидации региональных сообществ с акцентом на наднациональные (региональные) ценности и одновременно активизации мелких («интимных») политических единств, более сплоченных, чем национальное государство. Эту двойную тенденцию ряд авторов (например, Гидденс Э., Дарендорф Р. и др.) весьма удачно обозначают термином «глокализация». Меняются также идентичности, они становятся более сложными и многогранными, формируются регионом, этничностью и гендером, а также традиционными факторами нации и класса. Однако связь этих новых солидарностей с демократией далеко не одинакова. Новый регионализм, насаждающийся не только с большой интенсивностью, но нередко и насильственно, в отличие от локализма, враждебен демократии. Он рождается не из желания демократического самоопределения, а из этнической, языковой или конфессиональной гомогенности. Его первым принципом является отделение: вовне – против «враждебных» соседей, вовнутрь – против не менее «враждебных» меньшинств. Движущей силой развития становится не народное движение, а массовая мобилизация, которая осуществляется усилиями демагогов и для реализации интересов функционеров. «Результатом ее может стать новая форма «балканизации», – предостерегал Р. Дарендорф[5].

Процесс институционализации культурных групп находят весьма опасным, хотя и достаточно динамичным процессом нашего времени и другие исследователи. В частности, по мнению Бенхабиб С., опасность данного феномена заключается прежде всего в том, что, обретая политическое выражение и институциональную форму, культуры как бы сосредоточиваются на собственной цельности; в то же время они ищут опору не в самоидентификации человека, а в изначальной причисленности его к той или иной группе. И в одном, и в другом случае культуры копируют черты соответствующей политической структуры. Как следствие, богатство культуры начинают приносить в жертву восприимчивости к ней широких масс, и политизирующаяся культура почти неизбежно оказывается культурой массовой. Последняя представляет собой негативную форму культуры: она характеризуется «поверхност-

ностью, однородностью, механической воспроизводимостью, нестойкостью и неоригинальностью; [она] никого не воспитывает и не изменяет, она не формирует душу, не выражает духа или коллективного гения народа»[6]. Кроме того, те, кто добивается политического признания культуры, стремятся подчеркнуть свою особость и инкорпорируют людей в ряды своих сторонников на основе какого-то одного признака – религиозной принадлежности, этнического происхождения и т.д. – и отказывают в членстве всем остальным. Настаивая на целостности культурной парадигмы, сторонники тех или иных культур, по сути, отвергают саму возможность сосуществования с представителями других в рамках демократического сообщества, основанного на универсальных принципах. Именно поэтому «излишне поспешная идентификация» и признание культурных групп субъектами политического процесса крайне опасны для развития демократической традиции[7].

Однако процесс глобализации все больше обусловливает поступательную институционализацию культур. Глобализация приводит к масштабным миграциям и появлению мультиэтнических и мультикультурных сообществ, особенно в западных странах, куда стремятся представители так называемой «периферии». Бенхабиб С. удачно называет этот процесс «обратной глобализацией». Образующиеся группы мигрантов, равно как и сообщества коренных жителей ранее покоренных территорий и даже представители национальных автономий, стремятся найти те черты общности, которые помогли бы им выделиться из большинства и ощутить собственную специфику, которая для них чрезвычайно важна. Вместе с тем они требуют тех или иных прав не в силу своих особенностей как личностей, а в силу непохожести их «культуры» на культуру большинства. Это бросает западным обществам еще один радикальный вызов[8]. Таким образом, интеграция и фрагментация становятся не взаимоисключающими, а взаимодополняющими процессами перераспределения суверенитета, власти и свободы действий.

В-третьих, ослабление национального государства, изменение его функций, невозможность в ряде случаев гарантировать безопасность, а с нею и идентификацию личности влекут за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов, которые то затухают, то вспыхивают вновь. Слабость и недееспособность государства все чаще фигурирует в качестве главной причины политической напряженности и нестабильности. При этом исследователи обращают внимание не только на объективные обстоятельства, но и на субъективный фактор как причину слабости многих государств. Как пишет американский ученый Сейболт Т., многие современные конфликты, в особенности экстрасистемные, возникают из-за «плохих лидеров», «слабых правительств», негодных методов управления (фаворитизм, грабеж, насильственные захваты власти), а также из-за ничем не ограниченной – вплоть до гражданской войны – борьбы за власть в странах, где элиты заняты, прежде всего, самими собой[9]. Иными словами, основные риски связаны не с излишком мощи (как опасались в XX веке), а с опасной слабостью многих государств, их неспособностью противостоять разрушающим силам и тенденциям.

О кризисе государства и конце суверенитета написано уже достаточно много, но было бы ошибкой переоценивать степень упадка европейского государства, по-прежнему сохраняющего огромный арсенал средств и ресурсов. «Также важно не попасться в аналитическую ловушку противопоставления мифического государства прошлого (всесильного, монополистического и суверенного) государству современному (слабому, плюралистическому и вынужденному делить свою власть с наднациональными, субнациональными и негосударственными силами), – отмечает Китинг М. – Как уже отмечалось, такие тенденции были всегда. Тем не менее, в государстве произошли серьезные изменения, к тому же самостоятельное значение получили различные сферы социальной, экономической и политической деятельности, которые прежде охватывались государством»[10]. Следовательно, государство никуда не исчезло и вряд ли исчезнет, но у него больше нет монополии над внешними связями регионов.

В таких условиях понятие национального государства как самоуправляемой, авто-

номной единицы, по-видимому, в большей степени является нормативным требованием, нежели дескриптивным утверждением. Национальные государства не являются отныне единственными центрами, главными формами правления или органами власти в мире. Трудно не согласиться с Ф.Фукуямой, утверждающим, что проблема заключается в отсутствии базовой концепции, охватывающей различные аспекты государственности, и в непонимании их связи с экономическим развитием[11].

Вместе с тем сказанное вовсе не означает полного аннулирования современных государств. Они все еще обладают определенным могуществом, и роль политических лидеров в мире по-прежнему велика, но в то же время эта роль меняется у нас на глазах. Экономическая политика на государственном уровне уже не обладает прежней эффективностью. И, что еще важнее, государству необходимо пересмотреть свою идентичность в целом, поскольку устаревают прежние формы геополитики. Как считает Э. Гидденс, сегодня государствам угрожают не столько реальные враги, сколько риски и опасности, что коренным образом меняет их природу. Но изменение природы относится не только к государству. «Повсюду мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Прежней осталась скорлупа, внешняя оболочка, но внутри они изменились – и это происходит не только в США, Великобритании или Франции, но практически везде. Я называю их «институты-пустышки». Это институты, уже не соответствующие задачам, которые они призваны выполнять»[12]. Недееспособность институтов предопределяет настоятельную потребность в их реформировании или создании качественно иных институтов. Вместе с тем природа последних еще до конца не ясна. «Потребность во всемирных нормах редко была более очевидной, чем сейчас», – утверждал в своих последних работах Р. Дарендорф[13].

В рамках постмодернистских подходов указанные процессы рассматриваются как «конец политики», поскольку с этой точки зрения политика, т.е. способность к коллективно обязывающим решениям, распадается как таковая вслед за ослаблением национального государства, а ее управляющие функции передаются рынку. Масштабная социальная интеграция оказывается серьезно затрудненной, крупные и многослойные политические единства невозможны в силу рассеивания индивидов и малых групп по функционально скоординированным сетям, протянувшимся на весь мир. В свою очередь, ослабление классового сознания расшатывает политические компромиссы, лежащие в основе государства всеобщего благоденствия, сложившегося в послевоенный период, что в корне меняет все политические конфигурации. Наблюдается разрыв между системой представительства в государственных учреждениях и принятием решений, перешедшим к территориальным и социальным сетям. Следовательно, расхождение между политикой, понимаемой как совместное обсуждение и борьба за власть, и государственной политикой растет. «Такое разделение социальной реальности может иметь серьезные последствия не только для результативности действий правительства, но также для демократии и социальной сплоченности», – считает М. Китинг[14].

Эти процессы уже вызывают острую ответную реакцию в виде роста популярности националистических сил, продемонстрировавших определенные успехи на последних выборах в Европарламент в мае 2014 года благодаря обыгрыванию экономических и культурных страхов населения перед неопределенным будущим. Ими пропагандируется представление о возможности возврата назад, в прошлое, и игнорирование изменений последних 25 лет. Эта опасная, зачастую популистская ностальгия выражается в отказе от евро, аннулировании шенгенских соглашений и введении таможенных барьеров для защиты национальной индустрии[15]. Ключевым политическим требованием в данном случае выступает требование защиты национального суверенитета.

Следует, видимо, напомнить, что к концу второй мировой войны государства За-

падной Европы пришли к заключению, что именно ничем не ограниченное осуществление государственного суверенитета послужило в XX веке причиной двух мировой войн. «В доме, который они начали возводить для себя в 1950-х – в Европейском союзе, – эти суверенитеты преднамеренно встраивали в пласты правил, норм и инструкций, чтобы они больше никогда не вырвались из-под контроля», – напоминает Ф. Фукуяма[16]. Большинство европейцев видят цель Евросоюза в преодолении политики силы. Таким образом, континент, где зародилась идея современного государства, построенного вокруг централизованной власти и способности к развертыванию военной силы, «уничтожил саму идею государственности как отличительной черты, – подчеркивает Ф. Фукуяма. – Это особенно отчетливо проявилось в Германии, где послевоенная самобытность, как показал Петер Каценштейн (Katzenstein 1997), была построена вокруг некоего проекта антисуверенности. С этого времени свобода действий в Германии стала ограничиваться многочисленными напластованиями международных правил, особенно со стороны ЕС, не исключая и другие международные организации, вплоть до ООН»[17].

Теоретическим основанием позиции, пытающейся вернуть мир в довоенную эпоху, выступает методологический национализм. Он исходит из того, что нация, государство и общество являются «естественными» социальными и политическими формами современного мира. Он принимает как «естественное» разделение человечества на ограниченное число наций, которые внутренне организованы как национальные государства и вовне граничат с другими подобными же единствами. Это внешнее ограничение он ставит в зависимость от конкуренции между национальными государствами как центральную категорию политической организации. «В действительности же все современное социологическое мышление и даже все социологическое воображение являются узниками национального государства, – отмечает У. Бек. – И этот методологический национализм затрудняет социальным наукам восприятие процесса космополитизации как в глобальном, так и в европейском масштабе»[18]. По мнению автора, методологический национализм не является поверхностным явлением либо эстетическим изъяном. Он затрагивает как частные, так и базовые понятия современной социологии и политической науки, такие как «общество», «социальное неравенство», «классы», «семьи», «занятость», «религия», «государство», «демократия», «социальное воображение».

В отечественной литературе, на наш взгляд, эти новые явления и тенденции замечены и получали определенную оценку, однако только как побочный фон к внутриполитическим процессам, по-прежнему имеющим определяющее значение. Внешний контекст учитывается преимущественно как вторичный фактор по отношению к происходящему внутри России[19]. Но первичность внутриполитических событий как раз и является одним из столпов методологического национализма, поскольку прямо ведет к ключевому для него понятию «суверенитет». Однако последний все чаще сталкивается с некими универсальными ценностями, записанными в том числе и в российской Конституции. В числе этих ценностей суверенитет не значится, более того, он часто противоречит им, поскольку это ценности надгосударственные, универсальные, ограничивающие государство в его чрезмерных притязаниях. Вполне возможно, что в случае будущего успешного практического воплощения некоей новой мировой политической структуры, действительно основанной на универсальных ценностях, суверенитет, скорее всего, выродится в конечном счете в понятие культурной автономии.

Но дело не только в правах человека, теснимых государством. Страдающей стороной оказываются и другие общественные сферы: экономика, культура и т.д. В свое время, приступая в 2000 году к обязанностям Президента РФ, В. Путин, на вопрос доверенных лиц о том, в чем заключается национальная идея России, коротко ответил: «В конкурентоспособности». Прошедшие годы показали, что конкурентоспособность в наше время не может быть обеспечена на путях изоляционизма; она требует умелого поиска и нахождения себя в международном разделении труда, в возможности влиять на мировые правила экономического соперничества, в использовании современных

технологий и т.д. Принципы послевоенного устройства мира диктуют отказ от насильственной перекройки границ и аннексии чужих территорий, что делает войну непригодным способом решения политических проблем. Отсюда – за вычетом военных аспектов суверенитета, заключающихся в сохранении территориальной целостности и безопасности граждан – прочие его аспекты можно считать рудиментами Вестфальского мира, слабо релевантными для сегодняшнего дня. Упорные попытки интерпретировать мир в категориях позапрошлого века, тем более следовать этой картине мира в практических действиях, означают выпадение из реалий сегодняшнего дня и обретение страной незавидной роли мирового изгоя.

Красноречивым примером является ситуация с ВТО. Российские власти долго убеждали россиян в том, что членство в ВТО для России не просто необходимо, но и выгодно, поскольку позволяет оказывать влияние на выработку правил мировой торговли. Однако не прошло и полугода после подписания Россией соглашения о вступлении в ВТО, как принцип национального суверенитета, понятый как присоединение части территории соседней страны, вновь одержал верх над трезвым экономическим расчетом и обоюдной выгодой. Запад уже представляют не просто как неудобного и расчетливого партнера, но как едва ли не главного врага, которому объявлена война не на жизнь, а на смерть. Подобные метаморфозы свидетельствуют об импровизационном характере российской политики, ее очевидной незрелости, неспособности отличать идеологические химеры от взвешенных политических решений.

Последствия решений, продиктованных именно крайностями методологического национализма, могут оказаться весьма негативными.

Во-первых, уже сегодня в российском политическом дискурсе происходит переоценка самого концепта государства. Государство начинает трактоваться как нерасчлененное целое, понятие «гражданского общества» как совокупности автономных образований и объединений людей, сдерживающих чрезмерную экспансию государства в сопредельные сферы, попросту аннулируется или трактуется намеренно превратно[20]. Исчезает внутренняя политика как свободная игра политических сил, в ходе которой вырабатывается общенациональный консенсус по наиболее значимым для общества проблемам. Это фактически означает возвращение назад, в XVII век, когда государство и гражданское общество еще воспринимались как единое нерасчлененное целое, а сувереном власти выступал не народ, а абсолютный монарх. Более свежим примером рискованности подобного тренда могут служить печально известные тоталитарные практики первой трети XX века, в которых режим личной власти подавил все, даже относительно независимые институты, породив феномен «недогосударства» (Р. Дарендорф).

Во-вторых, сложившийся в России политический режим подчиняет себе республиканскую систему правления, существенно ослабив автономию законодательной и судебной ветвей власти, а заодно и федеративную форму государственного устройства. Основанный на патримониальных принципах, он разлагает и разрушает политические институты, не позволяет реализовать принцип примата права и не несет никакой ответственности перед обществом.

В-третьих, дифференциация населения страны на «патриотов» и «предателей», усиленно, хотя и негласно поддерживаемая государством, прямо нарушает конституционные права и свободы граждан: свободу слова, собраний, демонстраций и т.д. Заодно происходит фактический отказ от важнейшей функции самого государства – обеспечивать социальный мир, формировать общественное согласие. Современное государство управляется в интересах и к выгоде своих граждан. Оно обезличено (impersonal), наличие гражданства само по себе гарантирует определенные права и статус вне зависимости от близости к лидеру или наличия полезных связей.

В-четвертых, принцип суверенитета отныне трактуется как неограниченный внешнеполитический авантюризм, игнорирующий принципы и нормы международного права в пользу весьма сомнительной «исторической справедливости» или манипулирующий этими принципами в угоду собственным специфическим интересам (например, любой ценой оспорить мировое лидерство

США). А ведь в 1990-е – 2000-е годы благодаря признанию международно-правовых норм мы хоть немного, но цивилизовали свое государство, заставили его в известных пределах считаться с гражданским обществом и быть принятым в клуб ведущих мировых держав.

В-пятых, публично исповедуемая идеология российской номенклатуры – это конспирологические фантазии, антизападничество, советская державность, культ вождя и показная набожность. Все это, позаимствованное из разных эпох, эклектично соединено «в одном флаконе» и исполняется регулярно, с ритуальным рвением, лишь выдающим интеллектуальную ограниченность. Однако в отсутствие ясно сформулированной стратегии развития страны, образно говоря, никакой ветер ей не будет попутным, тем более в условиях набирающих силу глобальных ветров.

В-шестых, в рамках новой государственной доктрины России право государства на насилие мыслится как первичное по отношению к правам граждан. Основанием и источником власти понимается именно право на насилие, что позволяет применять его не как последний аргумент, а как превентивную меру[21]. Отсюда же проистекает искренне презрение к идее любых переговоров и «уступок» чьим-либо требованиям, включая самих граждан. Совершенно в феодально-абсолютистском духе российская власть считает, что граждане имеют право лишь просить и подавать петиции, признавая тем самым приоритет права государства на насилие по отношению к их правам. Парадоксальным образом эта позиция считается по-настоящему «государственной». Но в действительности именно злоупотребление монополией государства на насилие ведет к подрыву этой монополии, а в конечном счете – к подрыву государственности. Это наглядно продемонстрировала так называемая «арабская весна» 2011 года, а также кризис легитимности постсоветских клановых режимов в Грузии и Украине.

В-седьмых, апофеозом методологического национализма стало поголовное увлечение геополитикой, зачастую сделавшейся прибежищем откровенных шарлатанов. Однако реальным результатом их болезненных фантазий стала не виртуальная, а реальная «гибридная война»[22] против соседнего государства, все еще называющегося «братским».

Возникает вопрос: и где здесь государство? Как назвать тот эрзац государственности, который мы получаем в рамках этой парадигмы? Многократно воспетая стабильность при наличии множества проблем в различных областях жизни лишь подтверждает дефекты нашего нынешнего общественного устройства, не говоря уже о том, какие риски она скрывает в себе на будущее. По словам Э. Гидденса, сильным государством раньше считалось то, которое было хорошо подготовлено к войне. «Сегодня оно должно быть иным: страной, достаточно уверенной в себе, чтобы смириться с ограничением своего суверенитета»[23].

Ключевой вопрос, который, в свою очередь, выдвигает методологический космополитизм, заключается в следующем: каким образом исследовательские подходы, противоположные методологическому национализму, могут объяснять, сравнивать и анализировать комплексные процессы и взаимодействия космополитизации, порожденные глобализацией? Каким должен быть социальный анализ, если, с одной стороны, освободить его из «контейнера» (У.Бек) национального государства, а с другой – не растворить в абстрактных концептах «мирового сообщества»?

Эмпирические исследования на столь различных полях, как социология, этнология, антропология, география или политическая наука за последние годы развили очень много концептов, целью которых было разорвать естественное отождествление общества, нации и государства. «Концепт «Black Atlantic» Пауля Гилроуза, идентификация «global city» Саскии Сассенс, представление о «scapes» Ариуна Аппадура, концепт «global age» Мартина Альброуза и мой собственный анализ «космополитической Европы» – это только некоторые примеры для этого исследовательского направления», – считает У. Бек[24].

Для методологического космополитизма особое значение имеет вопрос о соотносительной значимости нации и национального государства при определении исследуемых единств. Методологически наиболее радикальная возможность со-

стоит в том, чтобы заменить национальные рамки исследования другим углом зрения («replacing the national»). Однако остается непонятным, какова же реальная альтернатива нынешнему обветшанию системы национальных государств? Что именно придет им на смену: res publica mundialis или global.com? Мировая республика или разнузданная капиталистическая экспансия, подрывающая и национальные государства, и демократический контроль, стоящие на ее пути? «Мы столкнулись с реальным риском того, что передвижение по миру людей и товаров, новостей и информации приведет к появлению постоянного потока лиц без всяких обязательств, производства без ответственности, новостей без общественной морали и к распространению информации без оглядки на границы [дозволенного] благоразумия, – пишет С.Бенхабиб. – В такой «цивилизации global.com» личности съежатся до электронных адресов в виртуальном пространстве, политическая и культурная стороны их жизни все больше станут обретаться в электронном пространстве, а человеческие привязанности окажутся недолговечными, изменчивыми и поверхностными. Вопреки интернет-утопиям о глобальной демократии, демократическое гражданство несовместимо с подобными тенденциями. Оно невозможно вне обязательств; обязательства требуют ответственности и привязанности»[25].

Если же, напротив, локализовать исследование в прежних рамках, то возможности применения методологического космополитизма будут недопустимо ограничены, поскольку эмпирические исследования глобализации убедительно показали, что национальное государство полностью не исчезает, более того, заметно повышает свою значимость. Отсюда одной из отличительных черт сегодняшнего мира является адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Границы современных государств становятся фронтирами, потому что они связаны с другими регионами и вовлечены в разного рода транснациональные группировки.

Вплетение национального начала в процессы космополитизации может осуществляться различными способами. Примером тому может служить концепт «транснационального политического режима», связанного с новыми формами транснационального институционального строительства, которые произрастают из целого ряда глобальных проблем, подлежащих регулированию. В их числе – изменение климата, широкое распространение Интернет или налогообложение глобально действующих предприятий, составляющее едва ли не главную проблему современной повестки дня. Эти институты организуют транснациональные интеракции, границы которых выходят за рамки национальных правил. Таким образом, они интегрируют различные и крайне вариативные группы акторов (публичных и частных) и простираются через различные территориальные пространства. Для эмпирического анализа транснациональной политики эти политические режимы представляют собой самую подходящую исследовательскую единицу.

Решающим здесь является то обстоятельство, что эти новые институты не заменяют собой национальное государство, но интегрируют его: национальные государства оказываются включенными в транснациональные регулируемые системы. В этой связи одной из важнейших задач эмпирических исследований становится анализ специфического значения, которое они получают в рамках этих институтов – институтов политики, хозяйства, элит, правительств, права. В этой связи представляется плодотворной идея У. Бека о замене концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета», предполагающего наличие межгосударственной кооперации, движущей силой которой тем не менее останется «государственный эгоизм». Следовательно, речь идет не о разрушении государственного суверенитета, а о признании несостоятельности мифа о его абсолютности. Расставание с мифом откроет новые горизонты для государственных образований, в том числе и национальных.

Одним из таких горизонтов является процесс обретения демократического гражданства. Немаловажную роль при этом играет зарождение общемирового дискурса по правам человека: рост транснациональных сетей солидарности, объединяющих разные культуры и религии вокруг таких проблем,

как охрана окружающей среды, глобальное потепление, права женщин и детей; активизация неправительственных организаций, ведущих борьбу со СПИДом, за улучшение положения узников совести («Международная амнистия» и за оказание медицинской помощи миллионам людей во всем мире («Врачи без границ»); распространение глобальной молодежной культуры; появление транснациональных структур управления, таких как ЕС. Все это признаки новых модальностей политического и этического действия и координации в изменившемся мире. Они подсказывают, что демократическое гражданство может также существовать поверх национальных границ и в транснациональных условиях. «Самый насущный вопрос, встающий перед будущей демократической теорией и практикой, заключается в том, что сможем ли мы ввиду устаревания унитарной модели гражданства все же сохранить подобные аспекты демократического действия?», – задается вопросом С. Бенхабиб[26]. Ответ на поставленный ею вопрос пока не найден.

В свое время преодоление человечеством «естественного состояния», справедливо обозначенного Т. Гоббсом как «война всех против всех», потребовало выработки социального контракта. Великий французский просветитель Ж.Ж. Руссо изложил содержание такого контракта в пламенном манифесте «Об общественном договоре», которому в 2014 году исполнилось ровно 250 лет. Немного позже великий немецкий философ И. Кант в знаменитом трактате «К вечному миру» доказал, что прочный мир между народами и государствами возможен лишь в том случае, если внутреннее устройство этих государств является республиканским. «Республиканское устройство зиждется на трех принципах: во-первых, принципе свободы членов общества (как людей), во-вторых, принципе зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, принципе равенства всех перед законом (как граждан государства), – писал И. Кант. – Это единственное устройство, проистекающее из идеи первоначального договора, на котором должно быть основано всякое правовое законодательство народа. Это устройство с точки зрения права есть, следовательно, само по себе то, которое первоначально лежит в основе всех видов гражданской конституции; возникает лишь вопрос: единственное ли это устройство, которое может привести к вечному миру?»[27].

Как показывает исторический опыт, республиканское устройство действительно оказывается единственным, способным гарантировать и сохранить мир между народами[28]. Более того, оно же оказывается единственно приемлемым институциональным решением для нового государственного строительства. В ином случае никакие амбициозные проекты, призванные воссоздать однажды порушенное государство или создать новый объединительный Союз государств, не будут иметь успеха. Следовательно, в начале XXI века человечеству, однажды преодолевшему «естественное состояние», нужно сделать следующий шаг – преодолеть «национальное состояние» (У. Бек), теоретически легитимируемое узкими догмами методологического национализма, чтобы соответствовать новым вызовам и давать на них точные, современные и своевременные ответы.

---

[1] Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 107.

[2] См.: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2003. – № 6. – С. 81.

[3] Там же.

[4] См.: Хелд. Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 10–11.

[5] Dahrendorf R. Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fur das 21. Jahrhundert. Band 3. Verlag C.H. Beck oHG, Munchen, 2003. – S. 119.

[6] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – С. 3.

[7] См.: там же.

[8] Говоря о конфликте идентичностей, нельзя не упомянуть шотландский референдум (сентябрь 2014 г.), который показал, что государство – при условии разумной и активной политики – может переломить негативные сепаратистские тенденции. Он показал также, что в условиях открытой и активной общественной дискуссии крайности национал-популизма могут быть преодолены, и в региональном социуме возобладает трезвый и взвешенный подход к переопределению его места и роли в составе единого государства. Иными словами, государство сохраняет свою силу и свою территориальную целостность, если ведет себя цивилизованно по отношению к региональным, этноконфессиональным или языковым меньшинствам.

[9] См.: Косолапов Н. Рецензия на книгу: Conflicts in the 21 Century / Lucia Annunziata, Marta Dassu // Pro et Contra Т. 7, № 3. – М., лето 2002. – С. 213.

[10] Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2003. – № 6. – С. 83.

[11] См.: Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 19.

[12] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Изд-во Весь Мир, 2004. – С. 35.

[13] Dahrendorf R. Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fur das 21. Jahrhundert. Band 3. Verlag C.H. Beck oHG, Munchen, 2003. – S.163.

[14] Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. – 2003. – № 6. – С. 83.

[15] См.: Berardo R. Sackgasse der nationalstaatlichen Nostalgie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 09.04.2014. – S.1.

[16] Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 19.

[17] Там же. – С. 187 – 188.

[18] Beck U. Europa braucht einen neuen Traum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 11. 03. 2014. – P.1.

[19] Впрочем, в последнее время звучат и иные суждения. В частности, ректор МГИМО академик А.В. Торкунов, комментируя последнее заседание Валдайского экспертного клуба политологов, предлагает следующее: «Валдайский клуб» для многих – известный экспертный бренд, но, наверное, пришло время его переформатировать и из российского и внешнеполитического сделать по-настоящему международным… Новый формат «Валдая» предполагает обсуждение волнующих всех международных проблем без специального акцентирования российской проблематики…» // Карт-бланш. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов о новом миропорядке // Независимая газета. 24. 10. 2014 г. – С. 2.

[20] Профессор МГИМО и глава комитета Госдумы по международным делам Пушков А. в авторской передаче «Постскриптум» от 27 сентября 2014 года назвал травлю известного музыканта А. Макаревича «проявлением зрелости российского гражданского общества».

[21] См.: Рогов К. Монополия на насилие и право на восстание // Новая газета. 26.01.2014 г. – С. 5.

[22] Эту войну ведут своего рода гибриды солдат и террористов: скрытые лица, тайное командование и управление, тайные приказы, рассчитанные на достижение государственных интересов. Отсутствие очевидного лидера мешает международному сообществу выступить с ответными действиями, поскольку неясно, с кем нужно вести переговоры по вопросу прекращения огня или сдачи. Эти нерегулярные войска также представляют собой психологическую угрозу для местного населения, потому что последнее не знает, где могут притаиться бойцы этой скрытой армии. Второй составляющей «гибридной войны» XXI века является ее виртуальный компонент, информационное пропагандистское воздействие. В классической «гибридной» войне постоянный контроль над территорией не обязателен. Предпринимаются спецоперации, в ходе которых уничтожается и военный, и гражданский потенциал противника. После того как спецоперация завершена, войска, решив политическую задачу, уходят в места постоянной дислокации. О так называемых «новых войнах», характеризующихся «приватизацией насилия, его асимметричностью и автономизацией насильственных форм», см.: Muenkler H. Die neuen Kriege. 6. Auflage. Rowohlt Verlag GmbH, 2003. – 285 P.

[23] Цит. по: Ноженко М. Национальные государства в Европе. – СПб.: Норма, 2007. – С. 129.

[24] Beck U. Europa braucht einen neuen Traum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 11. 03. 2014. – S.. См. также: Grande E. Vom Nationalstaat zum transnationalen Politikregime // Staatliche Steuerungsfähigkeit im Zeitalter der Globalisierung, in: Ulrich Beck/Christoph Lau (Hrsg.), Entgrenzung und Entscheidung. Was ist neu an der Theorie reflexiver Modernisierung? Frankfurt/M. 2004 – P. 384–401.

[25] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – С. 218.

[26] Там же. – С. 219.

[27] Кант И. К вечному миру // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – С. 424 – 425.

[28] «Республиканское устройство берет свое начало в чистом источнике права. Но кроме безупречности своего происхождения оно открывает перспективы желанного результата, а именно: вечного мира. Основание для этого следующее. Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса, быть ли войне или нет, требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя: самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной, в довершение всех бед навлечь на себя еще одно, отравляющее и самый мир, – извечное (вследствие постоянно возможных новых войн) бремя долгов. Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, при нереспубликанском), этот вопрос вызывает меньше всего сомнений. Ведь глава государства является не простым гражданином, а собственником его; война нисколько не лишает его пиров, охоты, увеселений, празднеств и т.п., и он может, следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу как на увеселительную прогулку, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание…» См. Кант И. К вечному миру // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – С. 424 – 425.

Glukhova A.V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, Russian Federation, Voronezh, e-mail: avglukhova@mail.ru

DISPUTES ABOUT THE STATE: METHODOLOGICAL NATIONALISM VERSUS COSMOPOLITAN PARADIGM

In the article the traditional interpretations of the state as a political and legal institution are considered. Loss of status of the single political entity by state, weakening of national unity due to the crisis of the nation as a political community and the growth of other identities, as well as the output of the economy beyond national borders mean emergence of a new political reality and new challenges. One is the increasing uncertainty, the development of long-standing conflicts, the causes of which are often in weakness and failure of states. Thus, the main risks are associated not with the surplus power of the state, but dangerous weakness of many states, their inability to resist the destructive forces and new trends.

One of the theoretical responses to these challenges was the methodological nationalism, defending the former interpretation of the state, and especially its attribute such as the exclusive sovereignty. Another answer is methodological cosmopolitanism, offering a different research paradigm, namely the analysis of complex processes and interactions generated by globalization, international regime, interstate cooperation, i.e. inclusive sovereignty.

Keywords: state, sovereignty, globalization.

References

1. Habermas Ju. Postnacional'naja konstelljacija i budushhee demokratii [Post-national constellation and the Future of Democracy], Logos, 2003, № 4 – 5, p. 107. (In Russ.)

2. Kiting M. Novyj regionalizm v Zapadnoj Evrope [New Regionalism in Western Europe], *Logos,* Zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury, 2003, № 6, p. 81 – 83. (In Russ.)

3. Held .D. i dr. Global'nye transformacii: Politika, jekonomika, kul'tura [Global Transformations: Politics, economy, culture], Per. s angl. V.V.Sapova i dr., M.: Praksis, 2004, p.p. 10 – 11. (In Russ.)

4. Dahrendorf R. Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fur das 21. Jahrhundert. Band 3. Verlag C.H. Beck oHG, Munchen, 2003, p.p. 119, 163.

5. Benhabib S. Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju jeru [Competition of cultures. Equality and diversity in the Global Era], Per. s angl.; pod red. V.I.Inozemceva, M.: Logos, 2003, p.3 – 218. (In Russ.)

6. Kosolapov N. Recenzija na knigu: Conflicts in the 21 Century [Review of the book: Conflicts in the 21 Century], Lucia Annunziata, Marta Dassu, Pro et Contra T. 7, № 3. M., leto 2002, p. 213. (In Russ.)

7. Fukujama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj porjadok v XXI veke [Strong state: Governance and World Order in the XXI century], [per. s angl.], M.: AST: AST MOSKVA: HRANITEL'', 2006, p. 19. (In Russ.)

8. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [Escaping world: how globalization is changing our lives], Per. s angl., M.: Izd– vo «Ves' Mir», 2004, p. 35. (In Russ.)

9. Berardo R. Sackgasse der nationalstaatlichen Nostalgie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 09.04.2014, p.1.

10. Beck U. Europa braucht einen neuen Traum // Aus Politik und Zeitgeschichte. 11. 03. 2014, p.1.

11. Rogov K. Monopolija na nasilie i pravo na vosstanie [Monopoly on violence and the right to revolt], *Novaja gazeta,* 26.01.2014 g. , p. 5. (In Russ.)

12. Nozhenko M. Nacional'nye gosudarstva v Evrope [National states in Europe], SPb.: Norma, 2007, p. 129. (In Russ.)

13. Kant I. K vechnomu miru [To perpetual Peace], Teorija i praktika demokratii. Izbrannye teksty, Per.s angl. pod red. V.L.Inozemceva, B.G.Kapustina, M.: Ladomir, 2006, p.p. 424 – 425. (In Russ.)